

Малер Бород.
(спадрома.)

405.05.

Малеровская прививка

Музыка австро-немецкого романтизма стала в последние годы одним из приоритетных направлений репертуарной политики ГАСО. Собственно, прославленный коллектив играл ее всегда, но удельный вес соответствующих программ был несопоставим с программами, посвященными музыке отечественной. Теперь же обе линии сосуществуют здесь примерно на равных, и первая нередко даже перевешивает. В концерте, что прошел 19 апреля в Большом зале консерватории под управлением Марка Горенштейна, звучали сочинения великих венских романтиков – "двойной" концерт для скрипки и виолончели с оркестром Брамса и Пятая симфония Малера.

"Двойной" концерт предъявляет особые требования к солистам, каждый из которых должен быть не только виртуозом, сколько личностью, со своей собственной неповторимой интонацией. И в этом смысле данное исполнение трудно признать в полной мере удачным. Не получилось настоящего диалога между скрипкой Максима Федотова и виолончелью Сергея Родугина. Первый все сыграл технически безукоризненно и в целом выразительно, но не хватало этой самой личностной интонации. Родугина, как показалось, подвело слишком камерное звучание его виолончели, порой терявшееся за более яркой и эффектной скрипкой Федотова.

Малера ГАСО играет давно и, кстати, именно с этим коллективом Кирилл Кондрашин сделал тридцать лет назад одну из самых лучших записей Пятой симфонии. Конечно, ныне перед нами в значительной мере другой оркестр, но малеровская прививка действует и по сей день. К тому же и с Марком Горенштейном музыканты играли малеровские симфонии уже не раз. И вот вновь пришел черед Пятой – самой популярной, но оттого не менее трудной для исполнения.

В отличие от своих предшественниц Пятая симфония далека от программности. Однако авторская концепция прочитывается в ней вполне отчетливо. По мнению крупнейшего отечественного специалиста по Ма-

леру Инны Барсовой, "Пятая создает полную мучительной напряженности картину преодоления трагизма, картину волевого порыва в мир радости". Проблема большинства интерпретаций состоит как раз в том, что этот самый "волевой порыв", осуществляемый в полной мере в финале, оказывается достаточно искусственным и куда как менее убедительным, нежели данная в экспозиции трагическая картина мира. Нечто похожее случилось и у Марка Горенштейна.

Две первые части прозвучали безупречно. Не выходя за рамки традиционных трактовок, маэстро вовлекал слушателей в стихию трагического, столь неистово и безоглядно воплощенную Малером. По всему ощущалось, что Горенштейн хорошо знает, чего хочет, и досконально проработал на репетициях все до мельчайших деталей. Но уже в третьей части начался некоторый спад напряжения, пульс ослабел, а музыкальный рисунок стал менее отчетливым. Похоже, отправляясь в труднейший семидесятипятиминутный малеровский марафон, дирижер не вполне рассчитал силы – свои и оркестра. Adagietto, впрочем, прозвучало вполне собранно, но как-то на удивление эмоционально нейтрально. А вот в finale казалось, что музыканты просто обессилили, и заключительное ликование повисло в воздухе...

Что ж, малеровские симфонии требуют особой выносливости. И, наверное, есть серьезный резон в том, чтобы делать после одной из частей паузу на несколько минут, как некоторые дирижеры и поступают. Кстати, делать это в ряде случаев прямо рекомендовал и сам Малер. Весьма вероятно, что если бы Марк Горенштейн дал передышку себе и оркестру, у них открылось бы второе дыхание и можно было бы с полным основанием говорить о безупречной интерпретации всей симфонии, а не только первых двух ее частей. Впрочем, это все дело дирижера, а задача критика – фиксировать, что получилось в итоге.

Дмитрий МОРОЗОВ

РУБЛЯР. — 2005. — № 108. — 7.73